

Д. В. Кобленкова

**В ПОИСКАХ ГЕРОЯ: КАРЛ XII
В ШВЕДСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
(А. СТРИНДБЕРГ, В. ФОН ХЕЙДЕНСТАМ, А. ЭНГСТРЁМ)**

Проблема падения шведского великодержавия и вопрос о роли Карла XII в мировой истории нашли отражение не только в исторической науке. В период острой дискуссии о нем — во время расцвета так называемой «новой школы», когда в работах Харальда Иерне Карл стал оцениваться не только как «харизматичный гений для лейтенантов», разоривший из-за своего честолюбия страну, но, напротив, как провидец, мыслящий в масштабах Европы, как защитник лютеранской культуры германских народов от варварства Востока, в полемику включаются два известных шведских автора — Август Стриндберг и Вернер фон Хейденстам. До них свое художественное оппозиционное видение проблемы отразили поэты Эсайас Тегнер (1782–1846) и Карл Снойльски (1841–1903). С. Уредссон отмечал, что Тегнер в столетний юбилей со дня смерти Карла (1818 г.) написал романтическое стихотворение «Король Карл, наш юный герой», в котором тот представал защитником правого дела, величайшим сыном Швеции. Карл воспринимался как герой и гений, поскольку «все великое на свете слепо следует велению духа»¹. Иными словами, Карл шел за своей интуицией и потому не подсуден. Иррациональное ставилось выше рационального, исключительное, безусловно, было приоритетнее обыденного. Ответ на романтическую идеализацию дал Карл Снойльски в своих «Шведских картинах» (1886 г.). В стихотворении «Пожарная лошадка» (как и в «Саге о лошади» Улофа Долина)

символически изображается шведский народ, который больше не может вынести своего господина.

Эти произведения отразили основные аспекты спора о Карле: с одной стороны, эта была масштабная, завораживающая личность, с другой — именно эта личность и привела страну к краху. Вопросы более частные: являлся ли Карл хорошим стратегом и тактиком, верны ли были его установки, связанные с низложением Августа Польского и Петра, по причине которых он утратил прибалтийские провинции, а затем армию и власть, здесь, конечно, не рассматривались. Поэзия выявляла главное, что отражало мифологизирующее шведское сознание, все остальное оставалось предметом споров историков и публицистов.

В последние два десятилетия XIX в. в спор вступили прозаики и драматурги. Сначала свою резкую позицию высказал Август Стриндберг (1849–1912) в новелле «Почетный караул у смертного одра» (в русском переводе «Почетный караул»), которая входила в сборник «Шведские судьбы» (1883 г.). В ней была изображена всего одна сюжетная ситуация: спор хирурга лейб-медика Ноймана и лейтенанта Карлберга, которые в течение ночи охраняют тело убитого короля. Их дискуссия носит обобщающий характер, т. к. земным деяниям Карла подведен итог. Однако остроту конфликту добавляет маргинальное «присутствие» самого Карла, который даже мертвым вызывает страх и благоговение. Офицеру постоянно кажется, что Карл жив или готов восстать из мертвых. Этим подчеркивается степень влияния короля на сознание обычных людей, привыкших подчиняться и все принимать на веру.

Мистическому страху и уважению офицера противопоставлена скептическая позиция хирурга. Автор использует его профессию как метафору низких истин, открывающую тяжелую правду об оборотной стороне величия. Как известно, писатели для развенчания культа какого-либо исторического лица нередко подвергают его физической или физиологической дискредитации. Толстой, например, подобным образом развенчивал Наполеона. В данном случае Стриндберг посредством своего героя натуралистически снижает образ Карла и его сестер Ульрики-Элеоноры и Хедвиг-Софии, указывая на их патологические отклонения и намекая тем самым на вырождение династии.

Мертвый король описан следующим образом: «По мере того, как глаза привыкли к освещению, под мокрым плащом начинала вырисовываться фигура коротконового человека с острыми коленками, широкими бедрами, узкими покатыми плечами и большим носом, приподнявшим плащ так, что с трудом угадывалась линия необычно высокого лба»². Причину мистического шевеления трупа короля автор объяснил в той же плоскости, что «на самом деле просто ослабили перед полным окоченением связки и сухожилия». «Суставы подались, только и всего, — объяснил лейб-медик»³. Подробности такого рода рассеивают магический ореол вокруг Карла, который делал ошибки отнюдь не как Бог, а как обычный честолюбец. Анализируя его родословную, Нойман свидетельствует: «Природа сохранила качества женоненавистника и трезвенника, но трянула стариной и полностью возродила буяна, по образцу дела, однако заодно похерила скупердяя, тем самым ударила в новую крайность и создала мота»⁴. Отмечается, что в письмах у короля не было логики, «слова будто в кучу свалены и перепутаны, будто взял и вывалил из мозгов... что попало». Основным мотивом поступков Карла Нойман считает не силу, а слабость, а факт того, что король не посмел возвратиться в Стокгольм, настоящей трусостью, которая его и сгубила. «Вся его жизнь была цепью ошибок, промахов, нелепостей». Он самый шведский из всех королей, потому что вел себя как норманны и викинги, которые, вырвавшись «из своих берлог», «грабили, подобно дикарям»⁵. Стриндберг сопоставляет Карла с Александром Македонским, с которым сам Карл мечтал сравняться. Однако сравнение дается не в пользу шведского короля: Александр, писал Стриндберг, «распространял учение среди варваров, в то время как наш безбородый Лангобард совершал лишь грабительские походы» и «не погнушался призвать под свои знамена собаку-турка и снова затащить в Европу эту шваль»⁶. Карл «никогда не понимал, ибо не получил образования, что не было нужды охранять границы Польши от орд с востока, коль скоро сама Россия, цивилизованная Михаилом и Алексеем, взяла это на себя; и ненависть Карла к стоящему во всех отношениях выше его Петру настолько не обоснована ни политикой, ни историей, что ее сугубо личный характер был совершенно ясен и до того, как он... призвал турка себе на по-

мощь против изживающей остатки дикости России, каковая как раз складывалась в европейское государство во главе с царем, носившим титул доктора Оксфордского университета и члена Французской академии. Дикарем оказался Карл, превративший свои владения в пастбище, меж тем как Москвитянин свои земли распахивал»⁷. По мысли Ноймана, Карл запутался настолько, что если бы пуля не прилетела с запада, то она явилась бы с востока. Так, смерть Карла расценивается как желанная и логичная точка в судьбе палача Швеции, что его убийство — это высший приговор, лишь исполненный кем-то здесь на земле.

Впоследствии Стриндберг неожиданно смягчил изображение Карла в пьесе 1901 года, которая вошла в его исторический цикл.

В драме король появляется не сразу. Его образ формируется постепенно, из реплик героев разных сословий. Все участники диалогов (крестьянин, Недовольный, солдат, вернувшийся из русского плена, представители риксдага) в отсутствие короля дают ему критические оценки, обвиняя в экономическом обнищании и политической гибели страны. Однако как только на сцене появляется король, вошедший тихо и долго остающийся незаметным, берет верх магическая сила его воздействия. Народ падает на колени, остальные или теряют дар слова или произносят реплики с глубоким уважением, которое противоречит их рациональным установкам. Таким образом, глубинный конфликт пьесы строится на непреодолимом противоречии: разумом абсолютно все не приемлют политики короля, эмоционально же все находятся в плену его личности.

Разрабатывая образ Карла в пьесе, Стриндберг, возможно, пошел по опасному для себя пути. А. Мацевич считает, что, работая над драмой, Стриндберг пытался понять хотя бы отчасти причины того впечатления, которое Карл производил, и начал искать сходство между ним и собой⁸. Не исключено, что неожиданно для самого себя Стриндберг эти общие черты уловил. Особая замкнутость, интровертность, одиночество, нелюбовь к женщинам, тонкий психологизм, магия умного слова и, наконец, воля, переходящая в упрямство, которой король обладал. Карл в пьесе говорит менее других, но умнее, тоньше, философичнее. Особую роль Стриндберг в ремарках придает смущенной улыбке Карла. Эта особенная улыбка короля

в синтезе с мягким и тихим голосом гипнотизирует и влюбляет в себя окружающих. Карл предстает уравновешенным, волевым, всегда знающим нечто большее, почти как сверхчеловек. Впечатление, которое Стриндберг создает, свидетельствует, что на этом этапе, очевидно, он сам, углубившись в анализ загадочного психологического облика короля, оказался им увлечен, несмотря на критическую концепцию его правления. Однако основные политические ошибки Карла все же были сформулированы и в пьесе. Их озвучивает Горн в диалоге с Юлленборгом, а философско-мистическое заключение делает в пьесе визионер Эммануил Сведенборг, который на вопрос, откуда прилетела пуля, отвечает, указывая на небо: «Оттуда!»⁹

Впоследствии свою позицию Стриндберг намного резче отстаивал в прессе. С. Уредссон пишет, что через несколько недель после учреждения «Каролинского союза» (1910) Стриндберг напечатал в «Афтон-Тиднинген» статью «Поклонение фараону», в которой писал, что «обожеествлять Губителя Страны могут позволить себе только сумасшедшие или люди, находящиеся в этом особый интерес»¹⁰. В двух других статьях, в т. ч. «Губитель Швеции», Карл противопоставлялся, с одной стороны, Карлу XI, которого Стриндберг почитал, с другой — Петру I. Петру Стриндберг посвятил отдельную работу, которую не закончил. Уже ее заглавие кодифицировало концепцию: «Den Store» («Великий») ¹¹. По Стриндбергу, Петр был создателем, который имел всемирно-историческое право усовершенствовать и «собрать свою страну», а также защитить Европу от татар и турок, в то время как Карл из-за навязчивой идеи был разрушителем, вторгающимся в чужие земли и потерявшим при этом собственные¹². В итоге Карл был оценен лишь как воин, а Петр — и как воин, и как государственный деятель, которому Карл, бесспорно, по всем пунктам проиграл.

Оппозиционером Стриндберга, который, по утверждению С. Уредссона, развивал идеи Андерса Фрюкселля, выступил Вернер фон Хейденстам (1859–1940). С именем Хейденстама связаны обвинения не только в апологетике Карла XII, но также в национализме и шовинизме, т. к. он поддержал линию Харальда Иерне и фактически создал базу для восприятия шведского короля как предвестника германского нацизма, борющегося с ордами восточных дикарей. В доказательство

приводится статья Хейденстама «О характере шведов» 1896 г. и его знаменитый цикл новелл «Karolinerna» («Воины Карла XII»), вышедший в двух частях в 1897–1898 гг.

Нужно заметить, что подобная оценка нуждается в уточнениях. Хейденстам, действительно, писал о том, что каролинский период — время великих побед, но и великих бед, а также самый шведский из всех периодов истории Швеции. Однако в новеллах Карл не рассматривался им как интуитивный националист, и его политика не восхвалялась. Напротив, в «Каролинцах» король сначала показан как неуверенный в себе, но стремящийся это скрыть одинокий мальчик, получивший возможность осуществить свою мечту и вырваться из системы. Это скорее антишведский вариант, как и в случае с королевой Кристиной.

В целом у Хейденстама даны противоречивые характеристики Карла, которые, очевидно, должны показать неординарность короля. В изображении Хейденстама юный король не может нарадоваться, что, наконец, имеет право плевать косточки от вишен в лица высокопоставленных стариков и бросать им в физиономии пирожными. С юношеской компанией он пьяным носится по улицам ночного Стокгольма, срубает шпагой таблички на домах и разрубает надвое парики появившихся сановников. Но тот же самый король читает на ночь молитву и просит Бога научить его быть праведным государем для нации, не поддаваться греху гордыни и своеволия. И он же с юности, как Раскольников, размышляет о воле и утверждает, что является всего лишь ее слугой. Он страдает от провинциального комплекса, считая, что «Швеция — великое государство с маленьким и глубоко провинциальным двором на самом краю земли»¹³. Подчеркивается его «сердечная холодность», равнодушие, что он ни о чем не переживает дольше одной ночи. Хейденстам отмечает его стремление никому не повиноваться, а в новелле о Мазепе звучит характеристика такого рода: «Он покровитель всех авантюристов. Он придал аванюре величие и легитимность»¹⁴. В этой же новелле автор размышляет над тем, что Карл является героем лишь для черни, генералы устали от него и начинают им пренебрегать. В новелле «Полтава» основным мотивом решения Карла штурмовать крепость называется его желание «поразвлечься, прежде чем ... на подмогу придут татары и поляки». Вместе с тем из новеллы следует, что

и окружение Карла не в полной мере отдавало себе отчет, насколько сильна может быть оборона города. Крепость названа «жалкой, вшивой крепостенкой», и что «там сошли с ума и намерены защищаться»¹⁵. В других новеллах цикла Хейденстам также дает критические характеристики королю, который, по его мысли, даже в период неудач стремился доказать, что он избранник божий или, в противном случае, пасть как последний солдат. От лица короля произносятся слова, что «государство может стать менее важно, чем важен отдельный человек»¹⁶. Вместе с тем Хейденстам, действительно, иногда допускает при описании короля сентиментальность или романтическую гиперболу. Так, в первых новеллах о юности Карла указывается на его нежные щеки, схожесть с хрупкой девушкой. В последних — можно прочесть о прекрасном лице короля, о том, что он превосходил всех остальных, равно как и его народ, оказавшийся в мученическом венце. Этот народ во всем его винит, но в то же время мечтает лишь о том, чтобы король был спасен, и что воины Карла по-прежнему готовы погибнуть за него.

Таким образом, Хейденстам, как и Стриндберг, показывает двойственность отношения к Карлу: его деяния не принимаются, но магия личности заставляет следовать за ним. Помимо этого противоречия, Хейденстам актуализирует мысль о том, что именно эта трагическая эпоха в силу своей интенсивности стала самой значительной в истории Швеции. Это были события с большой буквы, которые заставили говорить о себе весь мир. И, несмотря на цену, которую шведы заплатили за них, эпоха укрупнила представление о шведском характере, который в тот момент был явлен миру в момент максимального напряжения сил. Швеция имела личность, и эта личность — пусть ради собственного эгоизма — сделала провинциальную страну знаменитой.

Наконец имеет смысл напомнить, что не первый раз в истории мировой литературы можно наблюдать расхождения между оценками, которые писатели дают в своих теоретических работах, и теми более сложными интерпретациями образов и конфликтов, которые представлены в их художественных текстах. Публицистические работы более прямолинейны и однозначны, в художественном произведении есть право на вымысел и эмоциональную оценку. Очевидно, это случилось и со Стриндбергом, и с Хейденстамом.

Однако чем дальше уходила в прошлое реальная история Карла, тем больше мифологизировался его образ аскета, романтика, мученика. Уже по представленным текстам можно видеть, что в сознании шведов живет тоска как по самой эпохе великодержавия, так и по тому типу исключительной личности, которую Карл собой являл¹⁷. Показательной в этом контексте является еще одно произведение — новелла Альберта Энгстрёма (1869–1940), прозаика и карикатуриста, редактора юмористического журнала «Стрикс», с 1922 г. члена шведской Академии. В новелле 1914 г. «Карл XII, Геркулес и Густав Маттсон» вновь изображен спор о Карле, в котором участвуют старые шведы, тоскующие по сильной личности. Но эта дискуссия уже изображена Энгстрёмом иронически: «Послушай, капитан, что это за тип вон там на стене? Родственник он тебе что ли? Но ведь у него такой дьявольский нос, что родственником он тебе никак быть не может». «Да разве ты не знаешь, Маттсон, что это Карл Двенадцатый? Стыдно! Я повесил его портрет потому, что, замечь, люблю сильных людей! А Карл Двенадцатый — последний сильный парень у нас в Швеции». «Есть ли в нынешние времена хоть один такой атлет, или боксер, или борец, как Карл Двенадцатый?». «Он был высокий, как каланча, и носил у пояса такой меч, которого никто не мог поднять, в книгах так и написано». «Да, Карл Двенадцатый был необычайно крепкий парень, но он был невысокого роста...». «Невысокого роста? Черт подери! Сколько же в нем было росту? Сколько?» «Это был маленький человечек с рыжеватыми волосами, ростом около пяти футов, и совсем не борец и не атлет. Но когда нужно, он умел проявить силу. Он был упрямый и силенки имел побольше, чем большинство людей его роста. Сходите в Северный музей поглядеть, какую он носил одежду, когда приедете в Стокгольм!». «Что это за чертовщина насчет Карла Двенадцатого? Неужто Энгстрём сказал правду? Неужто он был шупленький коротышка, да еще и рыжий к тому же? Тогда я сниму этот портрет, вот и все!». «Не делайте этого, капитан! Если человек небольшого роста, шуплый да рыжий, но всегда наготове, как стальная пружина, и смелее всех других, любого здорового верзилу за кормой оставит, — тем больше он заслуживает уважения»¹⁸.

Другой участник спора уверен, что его кумир, обладатель немыслимой силы Геркулес, был таким же коренным шведом,

как и он. Таким образом Энгстрём представляет комически сниженный образ патриота, убежденного в том, что все великие личности — шведы. Четвертый утверждает, что ни Карлу, ни Геркулесу никогда не сравняться с обычным шведским крестьянином, способным во время драки поднимать и бросать огромной величины камни, которые затем жители всем миром выкатывали «обратно шесть дней кряду». Именно это место последний рассказчик считает самым важным в шведской истории: «А вот был ли там Карл Двенадцатый? Черта с два! Готов голову прозакладывать, что и духу его там не было. Ежели бы он знал, как делаются дела в Руслагене и Норланде, то постарался бы приехать туда в отпуск, вместо того, чтобы забавляться где-то там в России и в Турции, ежели он и в самом деле любил драться!»¹⁹ Последние реплики спора еще раз показывают позицию автора, иронизирующую над шведской мечтой быть сильной нацией и иметь героя, способного влиять на ход истории. Шведская драма, по Энгстрему, состоит в противоречии между этим желанием и той слабостью воли, которая была характерна для шведов начала XX столетия.

¹ См.: *Уредссон С.* Карл XII и падение шведского великодержавия в историографии и традиции // *Царь Петр и король Карл. Два правителя и их народы* / Пер. с шведского В. Возгриня. М., 1999. С. 280–282.

² *Стриндберг А.* Почетный караул / Пер. Л. Жданова // *Шведская новелла*. М., 1964. С. 23.

³ Там же. С. 23.

⁴ Там же. С. 24.

⁵ Там же. С. 28.

⁶ Там же. С. 29.

⁷ Там же. С. 30.

⁸ *Мацевич А.* Август Стриндберг — драматург-новатор // *Стриндберг А.* Пьесы. Густав Ваза. Карл XII. На пути в Дамаск. М., 2002. С. 9.

⁹ *Стриндберг А.* Карл XII / Пер. с шведского А. Афиногеновой / *Стриндберг А.* Пьесы. Густав Ваза. Карл XII. На пути в Дамаск. М., 2002. С. 138.

¹⁰ *Уредссон С.* Цит. изд. С. 293.

¹¹ *Strindberg A.* Den Store // *Strindberg A.* Samlade Verk, 54. Historiska miniatyrer. Stockholm, 1997. S. 215–227. См. также статью Стриндберга «Шведский народ»: *Strindberg A.* Svenska Folket // *Strindberg A.* Samlade Verk, 12. Det nya riket. Stockholm, 1983. S. 22–33. Интерес также представляют публицистические

размышления о шведской истории и роли в ней Карла XII другого знаменитого шведского писателя Вильгельма Муберга. См.: *Moberg V. Min Svenska historia berättad för folket. Andra delen. Från Engelbrekt till och med Dacke.* Stockholm, 1971.

¹² Об этой неоконченной статье А. Стриндберга упоминает Д. Шарыпкин в своем исследовании: *Шарыпкин Д.* Русская литература в скандинавских странах. Л., 1975. С. 169.

¹³ *Хейденстам В. фон.* Восшествие на престол. Пер. с шведского С. Фриндлянд / *Хейденстам В. фон.* Воины Карла XII. *Лагерквист П.* Улыбка вечности. М., 1999. С. 30.

¹⁴ *Хейденстам В. фон.* Мазепа и его посланник / Пер. с шведского С. Фриндлянд / *Хейденстам В. фон.* Воины Карла XII. *Лагерквист П.* Улыбка вечности. М., 1999. С. 50.

¹⁵ *Хейденстам В. фон.* Полтава / Пер. с шведского С. Фриндлянд / *Хейденстам В. фон.* Воины Карла XII. *Лагерквист П.* Улыбка вечности. М., 1999. С. 59.

¹⁶ Там же. С. 68.

¹⁷ Эта мысль звучит во многих современных шведских исследованиях. См.: *Энглунд П.* Полтава. Рассказ о гибели одной армии. М., 2009; *Тоштендаль Р.* Полтава: сражение, история и символ // Полтава. Судьбы пленных и взаимодействие культур. Под редакцией Т. Тоштендаль-Салычевой и Л. Юнсон. М., 2009. С. 21–44; *Оселиус Г.* «Полтава не подействует угнетающе на человека здорового». С Карлом Беннедиком на поле битвы // Полтава. Судьбы пленных и взаимодействие культур. Под редакцией Т. Тоштендаль-Салычевой и Л. Юнсон. М., 2009. С. 377–404.

¹⁸ *Энгстрем А.* Карл XII, Геркулес и Густав Маттсон / Пер. с шведского В. Хинкиса // Шведская новелла. М., 1964. С. 139–142.

¹⁹ Там же. С. 146.